



Иосиф Брейдо

Когда бы осень
ни пришла ...

УДК 821(574)

ББК 84 (5каз-рус)7-5

Б 80

Б 80 Брейдо Иосиф Вульфович “Когда бы осень ни пришла ...”. Стихи./Предисл. и составл.

И.В. Варыгиной – Караганда: Гласир, 2010 – с.74

ISBN 978-601-7225-36-0

В сборнике опубликованы новые стихи-размышления поэта о жизни, времени, непреходящих человеческих ценностях.

Манера автора говорить просто о сложном, понятно о непонятном, увлекать, не соблазняя словесными трюками, изысками, игрой, придётся по вкусу и взыскательным ценителям литературы и самому широкому кругу читателей.

Предисловие
Ирина Варыгина

Оформление обложки и портрет автора
фотохудожник Юрий Варыгин

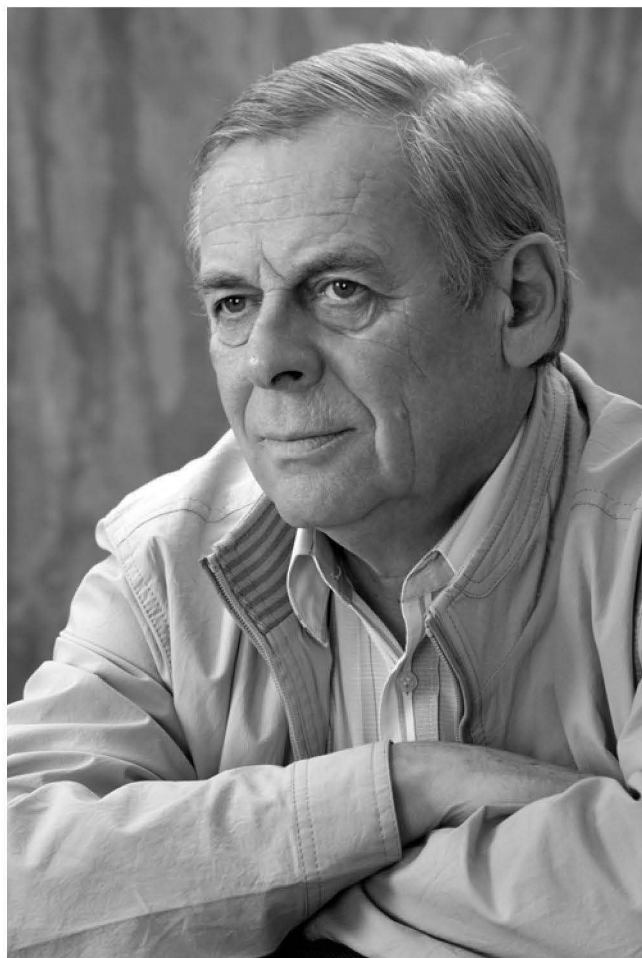
УДК 821(574)
ББК 84 (5каз-рус)7-5

ISBN 978-601-7225-36-0

©

Брейдо И.В.

**Электронная версия для библиотеки, подготовлена
Ерёминой Т.Б., апрель 2014г.*



Предисловие

Поэтическая жизнь Иосифа Брейдо приходится на два века. В 20-ом – зреет душа поэта, конечно, время от времени появляются и стихи, но пока так и остаются в черновиках, а в 21-ом – стихи пишутся в таком количестве, что поэтические сборники едва успевают за ними, несмотря на их невероятную скорость – 1 сборник в 2 года.

То ли поток времени стремительно ворвался в его стихи, то ли его стихи ворвались в поток времени, но для них характерны две основные черты: вертикальный взлёт и постоянное набирание высоты. Если в первом сборнике “Метки и осколки бытия...” запечатлена жизнь отдельно взятой личности, во втором “Наворожи, гадалка, нам...” ясно видишь социальное окружение автора и проникаешься его интересами, то в третьем – “Дорожная молитва” – задышало уже целое поколение поэта.

После появления в печати первых двух книг Иосифа Брейдо стихи его сразу же стали завоевывать новое поэтическое пространство: они появляются на страницах карагандинской периодической печати, в литературно-художественных республиканских журналах “Простор” и “Нива”, в российском журнале “Сибирские огни”. В 2008 г. он становится лауреатом Второго поэтического конкурса для русскоязычных поэтов, живущих в разных уголках земного шара, “Я ни с кем никогда не расстанусь!”, организованного Российским

центром международного научного и культурного сотрудничества при МИД России и “Литературной газетой” в Год русского языка. В том же году его стихи были напечатаны в сборнике лауреатов этого конкурса “Мне снятся сны на русском языке” в г. Москве. А в августе 2009 года его стихи в полную силу зазвучали в сборнике карагандинских поэтов “Сквозь наслонья лет”.

За это время у Иосифа Брейдо появился свой читатель, который перечитывает его стихи и ждёт новых произведений поэта, но всегда при этом немного боится за него: может быть, надо чуть помедленнее, ведь трудно быть постоянно новым и интересным...

Но в поэзии автор, как всегда, неспешен, а удивлять кого-то, казаться новым, значительным или оригинальным вовсе не собирается. Он по-прежнему продолжает рассуждать в стихах. А читатель по-прежнему с удивлением и восхищением следит за траекторией полёта его мысли. И, возможно, этот процесс нельзя было бы назвать поэзией – ведь блестящая мысль может завораживать и в научных трактатах, – если бы читатель во время чтения нечаянно не обнаруживал, что дышит с автором “в такт” и даже начинает “слышать сердец неровный перестук”...

Новый сборник стихов Иосифа Брейдо “Когда бы осень ни пришла...” условно разделён на четыре части: в первую часть “Пока распахнуто окно...” вошла лирика, в которой выражается глубинная жизнь души поэта, во вторую – “Солнечный посланник” – лирика, посвящённая природе, в общении с которой лирический герой постоянно нуждается,

“Не улетай за облака” – дань назидательной лирике, “И на солнце пятна” представляет россыпь афоризмов, по которым можно обучаться искусству красноречия, столь почитаемому в культуре Востока.

Распирается и обживается пространство, в котором обитает душа лирического героя: становятся ближе и роднее не только далёкие страны, но и Вселенная, он уже не может успокоиться, пока не удостоверится, что “звёзды все на месте”.

Лирический герой большой труженик, он по-прежнему, “как раб к галере, прикованный к делам...”, но душа его становится более открытой, мне кажется, никогда прежде его лирика не была столь пронзительна:

Но вскидываю вновь в прощальном жесте руки,
Как видно, ничего нам не дано сберечь...

“Сигнальные огни последнего вагона...”

Размышляя, то есть пребывая в своём обычном состоянии, лирический герой старается не давать готовых результатов своих умозаключений, а вовлекает читателя в совместный процесс поиска истины. Например, в том же стихотворении сначала звучит утверждение истины, с которой читатель уже готов согласиться:

Нет в жизни ничего бессмысленней разлуки...

затем тут же выдвигается другая версия, опровергающая первую:

Безумнее лишь лёд совсем ненужных встреч.

Благодаря этому мысль живая, она постоянно пульсирует, вызывая у читателя целый ряд ассоциаций.

Как всегда, лирический герой честен, прежде всего перед самим собой. Он говорит только о том, что его действительно волнует:

“Прошёл по душам человеческим пожар”, –
О нашем времени, наверно, так расскажут.

Здесь всё правда. Как на духу. И, что немаловажно, к диалогу приглашается такой же умный и чуткий собеседник... В этом мне видится огромное уважение автора к своему читателю.

Но в книге всё уравновешенно: чем больше открыта душа лирического героя, тем прочнее броня иронии и сатиры:

Богаче в мире есть страна едва ли:
Столетия тащат, но не всё украли.

или:

Любить себя сегодня не зазорно,
Но ведь не так же беззаветно и упорно.

Появились новые для автора темы: быстротечности человеческого бытия, благодарности за каждую неожиданную радость и каждое проявление тепла...

Ещё не наступило лето,
Но столь нежданное тепло
Надолго на сердце легло.
Я благодарен Вам за это.

Импонирует то, что сквозь стихи чётко высвечивается сильный, неординарный характер автора, захватывает масштабность его личности...

Манера Иосифа Брейдо говорить просто о сложном, понятно о непонятном, увлекать, не соблазняя словесными трюками и игрой, пришлась по вкусу самым взыскательным ценителям литературы.

Ирина Варыгина

“ПОКА РАСПАХНУТО ОКНО...”

ИМЯ

*Брейдо Иосиф Абрамович, 1917 г.р.,
м. рожд.: БССР, Витебская обл., г. Полоцк,
призв.: 1940 г., красноармеец, стрелок,
пропал без вести: 1941 г., р-н г. Львова.*

Без вести пропал под Львовом
в сорок первом брат отца
от снарядного осколка
иль смертельного свинца
или, преданный на муки,
безымянным в землю лёг
предвоенного призыва
аспирант, потом стрелок,
с древним именем библейским,
чуть постарше двадцати,
и душа его над миром
в одиночестве летит...
Потому ношу я имя
не вождя и мудреца,
а пропавшего под Львовом
брата старшего отца.

Сжимает сердце от чего-то,
Когда кровавая заря
Встаёт в разгаре октября
В предвесье птичьих перелетов.

В пронзительных протяжных звуках
Сквозит осенняя печаль:
Как с летом расставаться жаль,
Но обязательна разлука.

Пусть взгляд скользит по многоцветью,
Но ярких красок разнбой
Уже пронизан желтизной,
И с этим дальше жить на свете.

И кажутся небесной манной
Короткие часы тепла,
Когда бы осень ни пришла,
Она приходит слишком рано.

*Кто видел в море корабли
Не на конфетном фантике...*

На флоте заведён порядок строгий:
В поход не провожают корабли.
В моря уходят только по тревоге,
Устав с землёй прощаться не велит.

А в море вплоть до горизонта пусто,
И нет границ меж небом и водой,
И умирают постепенно чувства
От качки килевой и бортовой.

Конец похода и отбой тревоги.
Сойдешь по трапу с борта корабля,
Насмешливо глядят земные боги,
Как под тобой качается земля.

Пока придёт уверенность в походке,
Вернутся ли забытые слова,
И станет снова ль силуэт твой чётким?
Нет, надо жить на суше, ты права.

Но почему же снится мне порою,
Как солнце, отражаясь от волны,
Встаёт над морем, словно над судьбою,
И солнечные брызги солони.

С.

Рок, судьба или случай просто
Свёл нас вместе в дальнем краю,
Пахло зимней корюшкой остро,
Предрекали нам жизнь в раю
Океан да из песни остров.

Но мы столько сломали копий
И в друг друга пустили стрел,
И в бессмысленной вязли топи,
Ведь никто никак не хотел
Расставаться с миром утопий.

Ты бывала чернее тучи,
Прожигал я взглядом насквозь,
Кто сильней обожжёт – тот круче.
Вместе – трудно, но страшно – врозь,
Видно, страх одиночества мучил...

Но желанье остаться рядом
Оказалось сильней, ведь нет
Долгожданной сейчас награды,
Чем улыбка твоя в ответ
Моему усталому взгляду.

Ты по-прежнему непоседа,
И когда на недолгий срок
Улетаешь зимой иль летом,
Всё становится поперёк:
В доме пусто и мало света.

Прости за всё, что не сбылось,
За то, что будто получилось,
За необузданную злость
И унижающую милость.
За равнодушие прости,
А за навязчивость – тем паче,
Когда я на твоём пути
Порой назойливо маячил
И вовремя не уходил,
Неловко перекрыв дорогу.
Прости, коль был тебе не мил,
Или оставь прощенье Богу.

То прореха, то заплата:
Рвётся ткань.
Улыбнёшься виновато:
Дело – дрянь.
Лоскутов ложатся пятна
Вразнобой,
И гармонии, понятно,
Никакой.
Кто снуёт иглой проворно
День-деньской,
Швы наложены неровно
Чьей рукой?
Если это божья милость –
Благодать,
Надо, раз она явилась,
Принимать.
Коли дьявол обозначил
Свой узор,
Не подписан им тем паче
Приговор.
То ли с неба, то ль из бездны,
Но судьбой
Управляет неизвестный
Нам с тобой.
И пока они бесстыдно
Делят власть,
Божьим тварям, очевидно,
Не пропасть.

Сигнальные огни последнего вагона
Сверкнули и навсегда исчезнут в ближней мгле,
От злобных сквозняков пустынного перрона
Ничто в тот миг уже не спрячет на земле.

И не люблю, когда аэропорта двери,
Смыкаясь за спиной, мир делят пополам
На тех, кто долго ждёт и в возвращенье верит,
И тех, кого судьба несёт по небесам.

Мне так не по душе, когда по стенке серой
От борта корабля бьёт с грохотом волна...
За эту жизнь не раз хлебнул я полной мерой
Солёного от слёз разлучного вина.

Но вскидываю вновь в прощальном жесте руки,
Как видно, ничего нам не дано сберечь.
Нет в жизни ничего бессмысленней разлуки,
Безумнее лишь лёд совсем ненужных встреч.

НОЧНАЯ ТЕНЬ

В разгаре ночь. Замученная бытом,
спит беспробудно женщина. В былом
остались принц и ухажёров свита,
от храпа мужа дребезжит стекло.
И нет конца у этой ночи длинной,
но вот рассвет забрезжил в полумгле...
Над улицей, где тихо и пустынно,
мелькнула тень верхом на помеле.
На тополях зашелестела крона,
и пробежала по траве волна,
бесшумно приоткрылась дверь балкона,
и снова наступила тишина.
Домой вернулась тень, легла устало
на прикроватном коврике, пока
вставать поспешно время не настало
под трели надоевшего звонка...
А утром глянет в зеркало пытливо
хозяйка и примерная жена
с улыбкою лукавой и счастливой,
а под глазами синева видна.

Суета, текучка, будни.
Пресно и однообразно
жизнь ползёт, но ты упрямо
ждёшь небесной благодати,
веришь, что наступит праздник
в день особенный, прекрасный.
Год за годом пролетает,
только не спешит создатель
подарить кусочек счастья,
да ещё к конкретной дате.
Оглянёшься, боже правый,
жизнь прошла, одни осколки,
вспомнить нечего.... А если
счастье в том, что просто живы:
здесь, сегодня дышишь, любишь
и плюёшь на кривотолки.
Не откладывай на завтра
и не вороши архивы,
научись науке трудной
быть от сущего счастливым,
от весеннего рассвета,
от осеннего заката,
оттого, что ты сегодня
улыбнулась, как когда-то.

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

Ни склонность к переменам
и ни дорожный зуд
меня в края иные
настойчиво влекут,
когда, как раб к галере,
прикованный к делам,
я сонный уезжаю
из дома по ночам
через пустынный город
в потрёпанном такси
к вокзалу, над которым
звезда дорог висит.
В вокзальных лабиринтах
то душно, то сквозняк,
вдыхаешь спёртый воздух,
не выдохнешь никак,
и вдруг в тиши тревожной,
где слышен сердца стук,
невнятный громкий голос
взрывает немоту,
кричит про скорый поезд,
затерянный в степях,
вновь замирают тени
от стрелок на часах...
Вот чем бы ни блазила
попутная звезда,
прошу, пусть Бог отменит
ночные поезда.

Бродит кляча слепая привычно по кругу в загоне,
Ведь не гонит никто, но ползёт,

тщась уйти от погони.

Или, может быть, вяло цепляясь за кочки ногами,
Мнит, что скачет намётом,

табун догоняя лугами...

Странно – и у меня появилась привычка такая:

Убегать от себя, что есть сил,

свою тень настигая.

Ещё не наступило лето,
Но столь нежданное тепло
Надолго на сердце легло.
Я благодарен Вам за это.

САДОВНИК

И.В.

Растить цветы – нелёгкая стезя,
они свои секреты держат в тайне:
капризны, своенравны, и нельзя
их победить упрямство силой знаний,

подвластны лишь канонам волшебства.
Едва заря взойдёт над садом сонным,
нашепчет маг заветные слова –
и расцветут пурпурные бутоны.

Когда достигнет тонкий аромат
небесных сфер, то сверху серафимы
опустятся неслышно в этот сад
дыханьем ветерка неуловимым.

И, не спеша, положат на весы
эгоцентризм цветов, характер склочный,
но перевесят капельки росы
на совершенных лепестках цветочных.

Вот потому от утренней зари
до поздней ночи трудится садовник
и сдержанно судьбу благодарит,
не замечая стёршихся ладоней.

С.

И вновь я собираюсь за границу.
Ты говоришь: “Пора остановиться,
Подумать о покое и достатке,
Сажать плоды полезные на грядке,
Построить крепкий дом и жить степенно,
Жить по-иному – суета и пена.
Давно пора смотреть на жизнь серьёзно” ...

Совет полезный, только слишком поздно,
Коль главное богатство нажитое –
Фигурки за стеклом и всё такое:
Бастет, Лакшми, коралл из океана,
Керамика земли обетованной.

Что в памяти осталось – не пропало,
И знаешь, нет надёжней капитала.
Истлело и забыто остальное,
А то, что видел, до сих пор со мною.

Едва повеет пряным запахом сандала,
меня уводит сразу память в странный мир,
где смотрят в небо минареты Тадж-Махала
и улыбается загадочно Лакшми,
блаженство обещая и удачу,
неважно в этой жизни или же в другой,
поэтому никто здесь не заплачет
над умирающим на грязной мостовой.
Танцует кобра, истекая ядом,
и нет отбоя от голодных обезьян.
Лачуги и дворцы – всё это рядом,
богатый, нищий и великий Индостан.

Святых, авантюристов и поэтов
всегда влекла страна,
ведь в ней богов не счесть.
И если рай возможен на Земле, он здесь,
но ад, похоже, тоже рядом где-то.

Что сухопутные границы
или морские рубежи
для высоко летящей птицы,
коль птицам мир принадлежит?
Они не чтят столб пограничный,
контрольно-следовых полос,
поскольку есть у них свой личный,
невидимый воздушный мост.
Ни декларации, ни визы,
ни обязательств пред страной,
не нужен, наконец, им вызов,
вот только б порох был сырой
в ружье охотника, который
триумфа терпеливо ждёт,
надеясь, что наступит скоро
птиц непокорных перелёт.

МОСКВА

Над Красной площадью – орлы и звёзды,
Сверкают, ослепляя, купола,
И духом тех времён пропитан воздух,
Когда ещё империя жила.
Любой ценой искала ты свободу,
Но для себя. А за борт сыновей
И пасынков бросала тем в угоду,
Кто мог тебя обворожить сильней.
И новый храм воздвигла, как мечтала,
Доступный лишь для избранных персон,
В нём звоном вечножёлтого металла
Заглушен колокольный перезвон.
Летишь легко свободной тройкой-птицей,
И помыслы вперёд устремлены,
Ты всё же стала мировой столицей
Разграбленной и брошенной страны.

ПАМЯТНИК

Из переулка на Арбат
выходит Окуджава.
Зеваки на пути стоят:
они имеют право
потрогать бронзовый пиджак
и щёлкнуть аппаратом,
чтобы потом небрежно так
сказать, мол, были рядом.

Другой шумит вокруг Арбат,
иною ценят мерой
то, что искал любви солдат,
но не расстаться с верой:
мир на его китах стоит,
коль девы, боже правый,
ревут отчаянно навзрыд
от песен Окуджавы.

Напоминает он живым,
от скверны очищая,
что жизнь по-прежнему, увы,
короткая такая.

T.

Ты сказала, что в жизни
нету места стихам
и поэт – это лишний
человек, пополам
рвущий душу, опасно
отвлекая народ
от трудов ежечасных,
от реальных забот.
В век компьютерной гонки
и глобальных идей
ни к чему голос тонкий
одиноких людей.

Надо жить с целью ясной
по законам земным,
а не верить напрасно
в ускользящий дым
слов красивых иль горьких,
в их волшебную нить,
что разъятые дольки
может соединить...

Да, не может, пожалуй,
лишь имеющий слух
кожей ритм в речке шалой
и мелодии звук
ощущает и слышит,
и в синкопе времён
он гармонией дышит,
коль искра божья в нём,
пусть мерца неярко
сквозь кромешную тьму
сохранилась. И жарко
на душе потому.

Дождь прошёл,
насыщен воздух влагой,
но не пролились все облака,
так же тяжело нависают. Благо
крыша есть над головой пока.

Город утонул во мгле бездонной,
в доме неуютно и темно,
слава богу, что графин лимонной
на столе стоит. Открой окно.

Выгляни, прислушайся, как гулко
эхо, отражаясь от домов,
посреди пустого переулка
повторяет звук чужих шагов.

Пятна света проявляют ясно
в чёрных лужах мир былых теней,
не буди ушедшее напрасно,
лучше выпей и ещё налей.

Вот такой же ночью безвозвратной,
год не помню, помню только век,
повторяло эхо многократно
твой негромкий серебристый смех.

Может, жизнь сложилась бы другая,
если бы не разошлись пути...
Впрочем, эта тоже неплохая,
просто слишком долго шли дожди.

Поверить, что предрешено,
Как в самом деле получилось,
Благодарить судьбу за милость,
Смотреть в открытое окно
И пить во здравие вино
Или микстуру по рецепту,
Коль так предписано врачом.
Жалеть не надо ни о чём,

Пока посильно вносишь лепту
В круг жизни и своим плечом
Касаешься плеча другого,
Смеяться и грустить дано,
Грешить и ошибаться снова
И греться от тепла живого...
Пока распахнуто окно.

СОЛНЕЧНЫЙ ПОСЛАННИК

ПЕРЕД ОТПУСКОМ

1

Я грешен, Господи, но не настолько,
Чтобы меня в июльскую жару,
Когда живое прячется в нору,
Перевозить по автостраде бойкой.
Прямое солнце крышу раскалило
Так, что кипят мотор и голова,
От духоты слипаются слова,
И вытекает вместе с потом сила.
Я оказался в эпицентре ада,
Последние расплавились мозги,
Глоток воды, прошу я, сбереги,
Сокрыта в нём последняя услада.

2

Не закипай по пустякам,
Когда на солнце преет темя,
И самое, быть может, время
Глотнуть холодного пивка
В тени на берегу реки,

Пруда, ручья иль океана,
Где умные и дураки
Сосуществуют равноправно...
Пора ленивых разговоров
И клёва рыбы на заре.
Июль – не время для раздоров,
Всё остальное – в сентябре.

3

Господь, избавь, прошу, от суеты напрасной,
Неделю дай пожить хотя бы жизнью праздной,
Чтоб в полдень засыпать под стук дождя
по крыше

И слышать, как шуршат на сеновале мыши,
Считать старательно секунды, как когда-то,
Меж вспышкой молнии и громовым раскатом,
И просыпаться на заре без принужденья,
Но не вступать в конфликты с собственной
ленью,

Чтобы в лесу повеяло грибным дурманом,
А озеро встречало утренним туманом,
И дождь с жарой чтоб шли попеременно:
Вот так хочу прожить неделю я примерно.

Без расписаний жить, без всяких обязательств,
А подчиняться лишь капризам обстоятельств.
Ну, отпусти, Господь, хотя бы на неделю,
Ведь это всё в твоих руках, на самом деле.

При смене мест бес не даёт покоя:
Едва забрезжил за окном рассвет,
Идёшь наверх извилистой тропой,
Где видимых следов почти что нет.

Перевалила жизнь за половину,
И нету сил бежать, но не спеша,
Да, малую, но всё-таки вершину
Возьмёшь, в конце прерывисто дыша.

Так тихо, что закладывает уши,
И слышно, как с вершин соседних гор
Свободные давно от плоти души
Ведут свой поднебесный разговор.

Я жив пока и оттого всей кожей
Прохладный ощущаю ветерок,
Душа пусть здесь отыщет уголок...
Но хочется, чтоб это было позже.

Полдень. Лето. Ляжешь под сосною,
сбросив с плеч годов прошедших ношу.
Пахнет разогретою смолою,
лёгкий ветерок ласкает кожу.

Солнце раскалённое в зените,
на камнях играют светотени.
Паутин серебряные нити
на руке, на стебельках растений,
в волосах запутались иголки,
ничего и никого не надо,
только б слышать речки голос звонкий.
Рай земной, коль есть он, где-то рядом,

в княжестве грибов и земляники,
где, прикрывшись всяческою рванью,
бродят переходные калики,
просят у природы подаянье.

Завораживает властно
мерное дыханье моря.
Вслушиваюсь в шум прибоя
и в расслабленности праздной
думаю о том, что вскоре
принесёт прилив с собою.
С прилежаньем неопита
из песка леплю стросенья,
понимаю, что волную
они будут позже смыты,
но не мучают сомненья:
смоет – новые построю.
Всё, в конце концов, конечно,
лишь вода с песком – навечно.

Ах, душа – нараспашку, сквозняки – напролёт,
Беспричинно рыдает и без спроса поёт,
И отдать всё готова, чтоб услышать потом,
Как свистит вольный ветер
в пространстве пустом.

...взору негде задержаться, взгляд куда ни кинь:
солонцовые поляны, горькая полынь.

Днём и ночью пролетают мимо поезда,
с нетерпением привычным ждут их города.

Нелегко Творцу достались горы и моря,
травы, лес, цветы, озёра, радуга, заря.

И ему уже, наверно, не хватило сил,
когда в спешке полустанок здесь он сотворил.

И с насмешкой или верой, что спасти должна,
дал он имя полустанку: “Станция Весна”.

Я не верил долго в инопланетян:
что им делать на чужой планете,
где уже с утра бензиновый туман
разгоняет над землёю ветер.
И дымами разноцветными восход
разукрашен так, что меркнет солнце,
в маслянистых пятнах гладь озёрных вод,
красные дожди, уран да стронций...

Веры не было, пока июльским днём
не обжёт бы солнечным ударом
диск подсолнуха, мерцающий огнём
между мостовой и тротуаром.

Инопланетянин. Ни клочка земли
нет под ним, дрожит на тонком стебле,
задыхаясь в придорожной он пыли,
зову солнца по привычке внемлет.
Сумасшедший шмель жужжит, ползут жуки,
дети засмеются, взглянет странник,
как цветёт наперекор и вопреки
хрупкой жизни солнечный посланник.

Дымкою затянут небосклон,
и трехпалый лист роняет клён.
Осенью невидимо на плечи
давит ноша прожитых времён:
навсегда разлуки, редки встречи
с тем, кого запомнил молодым.
Стелется вдоль улиц едкий дым,
и, похоже, в этот тёплый вечер
бесполезны поиски звезды:
листья жгут и затопили печи.
Но грустить, ей-богу, не резон,
надо переждать антициклон.

Ноябрьский сумрачный рассвет –
не лучшая пора,
Коль по стеклу струится дождь
всю ночь и до утра,
И настроение под стать,
приметам вопреки,
Что уезжать в далёкий край
под дождь как раз с руки.
Но снова начинать свой путь,
ей-богу, нету сил,
Вот так сидеть бы у окна,
и дождь чтоб моросил,
С тобой болтать о пустяках,
вдвоём пить крепкий чай,
Да долг проклятый не даёт.
Я встал. Пошёл. Прощай.

ФЕВРАЛЬ

1

Зима уже пошла под горку,
перевалила на февраль,
трещат сороки без умолку,
пригрело солнышко, но жаль,
что грязно-серая вуаль
покрыла город втихомолку.

И день и ночь лопатой ловкий,
неутомимый кочегар
подбрасывал так уголь в топки,
в печах поддерживая жар,
что воздух над трубой дрожал
и дым валил без остановки.

Увы, зимой не пахнет даже,
коль ноздреватые снега
осели вперемешку с сажей,
лишь вера в новый снег крепка.
И пусть мороз прижмёт слегка
потом, но город станет краше.
А кочегар пусть пот пока
смахнёт и по лицу размажет.

Конец зимы. Я в городе чужом.
Буря метёт уже вторые сутки.
Ни зги не видно, только ветер жуткий,
срывая крыши, вост за окном.
Закрыты магистрали и пути
на севере, на юге, на востоке,
а на вокзале поезд одинокий
не может от перрона отойти.
Ключим снегом степь занесена,
бесчинствует зима на самом деле.
Вдруг твой звонок пробился
сквозь метели,
и, значит, неминуема весна.

Снега осели. Кончилась зима.
Открылись все изъяны, ямы, свалки,
В грязи увязли люди и дома,
Оттаял мусор, медь в нём ищет сталкер.
Промозгло, сыро. Съёжилась душа,
Вдыхаешь волглый воздух, как отраву.

Скажи на сердце руку положи,
Такая вот весна тебе по нраву?
Поэтому прошу, не ставь в вину,
Что не люблю я раннюю весну.

Чайка реет над помойкой,
Голубь гадит, где попало,
Оттого нам мало горькой,
Что лишились идеалов,
А у новых – запах гнили.

Может, верили мы в байки
И не так, как надо, жили...
Но с волны взмывали чайки.

Учит век: быть надо стойким,
Только все уроки – втуне,
Коль хохочут на помойке
В голос чайки-хохотуни.

Куда исчезли с улиц воробьи?
Плебеи городские, забияки,
ворон гоняли, голубей. И к драке
всегда готовы были. Соловьи,
конечно, благородней, скажет всякий.
Но в городе зимой на тротуар
не падал соловей, рассыпав трели,
на проводах лишь воробьи сидели,
и был присущ им уникальный дар:
чирикать круглый год они умели...
Жаль, видно, разогнали воробьёв
сороки да сплошное воронье.

По всем календарям – давно весна.
В разгаре март. Откроешь утром двери
с надеждой робкой: может быть, она
в свои права вступила в полной мере.

В дверной проём ударит яркий свет
и ослепит, а всё же сквозь ресницы
пробьётся синева. Препятствий нет,
чтоб радостно в поток весенний влиться.

Осталось только глубоко вздохнуть...
Но небо опалит полярной стужей.
В коварстве марта смысл его и суть,
Да, он такой: не лучше и не хуже.

АПРЕЛЬ

Пока в соседнем переулке
под стенами не тает лёд,
и ветер северный несёт
сухие листья и окурки,
и, съёжившись, народ бредёт,
терпи, не время для прогулки.

Озвучивать не время оды,
написанные в марте, впрок,
коль не закончился урок
капризной матушки-природы,
а ты бросаешь мне упрёк
за издевательства погоды.

И слёзы на глазах прелестных,
конечно, я не виноват,
но оправдания бесполезны,
покуда не проснулся сад,
деревья голые стоят
и снег лежит в полях окрестных.

На фоне ярко освещённых магистралей
Звезду увидишь ночью в городе едва ли.

Конечно, в этом нет трагедии иль драмы,
Сияют фонари, зовут огни рекламы.

Что звёзды, коль от них ни холодно ни жарко
И пользы никакой от даже самой яркой...

Но знаешь, это может показаться странным,
Никак не справиться с желаньем постоянным:

Свет выключить вокруг – и не из чувства мести,
А успокоиться, что звёзды все на месте.

“НЕ УЛЕТАЙ ЗА ОБЛАКА...”

Разнообразным зазывалам,
когда зовут за облака,
не верь, солгут наверняка,
для жизни воздуха там мало
и нет опоры. Сквозь просветы
Земля мелькает иногда,
и постоянно холода
терзают спутников планеты
за право вплоть до самой смерти
глядеть на Землю свысока...
Не улетай за облака,
останься на привычной тверди.

Нам не дано сменить свой стиль
И не избыть пристрастий прошлых,
Как цепко въевшуюся пыль
На стоптанных в пути подошвах...
Пока не догорел фитиль.

Когда недрогнувшей рукой
ты по живому режешь мерно,
то верю: может лишь такой
карать всех грешников примерно.

Ты миссией своею горд,
в непогрешимости уверен:
взять нерадивых в оборот,
приговорить их к высшей мере.
Будь то отступник от идей
или копатель недостатков,
раскольник, шут, лентяй, злодей –
придётся каждому несладко.

Пусть скальпель безнадёжно туп
и хлещет кровь сплошным потоком,
но ты, борясь за чистоту,
освободишь мир от порока.
На репутации твоей
нет пятен: чист и неподкупен,
ты выше всех людских страстей
и, безусловно, неподсуден.

И ощущаешь Богу равным
себя, когда движеньем плавным
торжественно, без суеты
в чужие вкладываешь раны
свои немые персты.

Хитрый умного всегда
Околпачит без труда.
Умный видит дальше тех,
Кому мил любой успех,
Понимает жизни ход,
Стратегически живёт.

Хитрый ближний чует прок:
Отхватил – и в уголок,
Там отведал, здесь схватил,
И ему свет белый мил.
В перспективе прав стратег,
Но людской недолог век.

ЧУЖОИ

Нет рвов, не мешают заборы
Попытке движенья вперёд:
Шагни, но, коль нету опоры,
Провалишься в бездны пустот.

Призывно парадные двери
Сверкают, однако войдёт
Не тот, кто делами проверен,
А знающий правильный код.

В отчаянье бейся об стены,
Упорно копай тайный ход,
Безропотно жди перемены,
Когда твой наступит черёд...

Бессмысленно вязнет всё в вате,
Стоит неприступно оплот.
И лозунг один – на плакате:
“Чужой здесь вовек не пройдёт”.

Ещё не всё изведано,
Пока в глухих лесах
Со сказочного ведома
Творятся чудеса.
Во времена старинные
Здесь клады на века
Богатыри былинные
Зарыли в сундуках.
Но главное сокровище –
Огромный бриллиант
Ужасное чудовище
Скрывает, говорят.
Коль кто-то попытается
Взглянуть одним глазком,
То чудище расправится
Мгновенно с чужаком.
И до сих пор под кручами
Молодчики лежат,
А сверху просто тучами
Стервятники кружат.
Но невдомёк искателям,
Что сотни лет подряд
Чудовище с приятелем
Пилило бриллиант.
И по кусочкам маленьким
Он пропит так давно...
Скажите деткам баиньки,
Закончилось кино.

Жив храм науки до тех пор,
Пока под сенью Аполлона
Пытливый ум вступает в спор
И не склоняется у трона.
Пока умение учить
И научиться не убито,
Пока душа его открыта,
До той поры храм будет жить.

Всю жизнь чего-то не хватает
для полного счастья:
Большого богатства, удачи, карты нужной масти.

Но говорят, что есть на планете такие страны,
Где люди от счастья улыбаются постоянно.

Там счастье возможно и за умеренную плату,
Надо только добраться до островов Вануату.

Подчиниться магии колдовства и ритуалам
И научиться, наконец, довольствоваться малым.

Давно уже замкнулся круг
и впереди – одни повторы:
то примирения, то ссоры,
но много ль времени, мой друг,
отпущено? К чему раздоры,
коль в длинном перечне имён
всё меньше остаётся близких,
зато переполняет списки
имён ненужных легион,
и клерк боится наши риски
застраховать: белы виски...

Всё было, мало что осталось,
страшна уже не то, чтоб старость,
а неурочные звонки.
Давай хранить же эту малость
и соблюдать простой закон:
прости и будешь сам прощён.

“И НА СОЛНЦЕ ПЯТНА...”

Богаче в мире есть страна едва ли:
Столетия тащат, но не всё украли.

Братва, купцы и брокеры – в законе,
А физики и лирики – в загоне.

Быстрее молнии и грома,
Целенаправленнее лома.

В истории таких примеров множество –
Глубокий след оставили ничтожества.

В любом свиарнике имеется элита:
Она помой пьёт из личного корыта.

В сплошном кольце надсмотрщиков
нет пахарю удачи:
На каждого по мытарю
и ростовщик в придачу.

Вы спорите, кто главный за столом,
Когда горит и рушится ваш дом.

Добро как категория
Сегодня – аллегория.

Достоинство сейчас не атрибут культуры,
Но самый главный признак денежной
купюры.

Есть у победы продолжение –
Обычно это поражение.

Собак боготворил и славил,
А на людей весь век свой лаял.

Страсть коротка. Хоть это и тревожит –
Без страсти жизнь проходит быстро тоже.

Твой жизненный девиз таков:
“Готов всегда, на всё готов”.

Узнать всегда приятно,
Что и на солнце – пятна.

Шёл напролом по головам,
Чтоб к царственным припасть стопам.

Волкам плевать на бляенье баранов,
на ужас в их глазах, на стук сердец,
но крайне важно, чтоб приумножалось
количество и качество овец.

Любить себя сегодня вовсе не зазорно,
Но ведь не так же беззаветно и упорно.

Людоед сказал с досадой:
“Жалко всех, но жить-то надо”.

Марки, фантики, картины –
собирают всё подряд.
У тебя своя есть ниша:
собираешь компромат.

Мысль не убить – давно известно всем,
Но искалечить можно без проблем.

Нет ярлыка с ценой, но я-то твёрдо знаю,
Что продаётся, а цена договорная.

Нету истины вернее:
Чем ущербней, тем важнее.

Молчание твоё, порой забавное,
Возможно, золото, но самоварное.

От дурака хула – считай, награда,
Вот похвалы от дурака не надо.

Пока идёт добра со злом кровавый бой,
всегда есть шанс большой
стать жертвенной овцой.

Продаёт за валюту любую,
Предаёт бескорыстно, втихую.

За все болезни, раны и невзгоды
Ты выстрадал прогноз любой погоды.

Зачем же женщине права,
Коль женщина всегда права?

Зря карабкался вверх и боролся за приз –
Понимаешь в тот миг, когда падаешь вниз.

Иметь собственное мнение –
Это часто преступление.

ИМИДЖ

Внешность – блеск и шик,
А по сути – пшик.

Как можно отличить защитника закона
От нарушителя? По форме и погонам.

Как узок кругозор штыка,
Но сущность очень глубока.

Какое прибыльное дело –
Торговля совестью и телом!

Коль каннибалу человечинки охота,
Нет в этом личного, но такова природа.

Краснея и с улыбкою приятной
Глотает всё живое беспощадно.

Не надо уповать на мать-природу,
На ум, талант: надёжней – на породу.
Известный род – гарантия успеха,
Отсутствие извилин – не помеха.

Поэт великий написал когда-то:
“Поэзия должна быть глуповата”.
Но он сейчас бы удивился горько,
Что может быть глупа она настолько.

Отдаваясь бурно страсти сладкой,
Требовала каждый раз взамен
Тело, душу, кровь всю без остатка,
Даже, в крайнем случае, из вен.

Я восхищён, как ты с изяществом природным
Грань переходишь меж земным и земноводным:
То ласточкой взлетишь над грешною землёю,
То через миг вдруг оборотишься змеёю.

Исторический момент:
воля, рад интеллигент.
Он свободен, ведь ему
с шеи сбросили хомут
и пустили без ярма
на подножные корма...

Быстро понял контингент,
что кормов на воле нет.
С брюхом тяжело пустым
долго петь свободе гимн,
жизнь опасностей полна
без привычного ярма...

Ныне же благая весть,
коль хомут на шее есть,
с мягким валиком хомут
даже создаёт уют.

**О ПОЭТИЧЕСКИХ
КОНКУРСАХ**

По жёстким правилам турнира
В стремительной лихой атаке,
Где шпагу заменяет лира,
Соперники в упорной драке
Азартно бьются, лишь победа
Бойца возвысит над собратом.

Как счастлив чемпион сонета,
Но плачет страстная Эрато.
Как горд лауреат верлибра,
Эвтерпа отвернулась хмуро...
Не плачьте, музы, горько, ибо
Всё это не литература.

Был человеком, понимал собрата,
Порою улыбался виновато,
Во власть попал – ну чисто вождь приматов:
Оскалом замещается улыбка,
Глас человека – рыком вожака.
Как всё же власть заманчиво сладка,
Насколько человеческое зыбко!

Всю жизнь решаешь сверхзадачу:
Быть впереди и на свету,
Когда идёт наград раздача,
И ловко скрыться в темноту,
Коль замаячит неудача.

Ты защитил достоинство и честь,
на это документ с печатью есть.
Печать-то есть,
но где же честь? – бог весть...

Жизнь – напоказ, всё остальное – на продажу:
Страну, бельишко, тело, совесть как товар.
“Прошёл по душам человеческим пожар”, –
О нашем времени, наверно, так расскажут.

Какие розовые дали
Нас с нетерпением ожидали!
До счастья – шаг...
Но дьявол прячется в деталях
Или шевелится в кустах.
Увы и ах.

Рвалась на свободу птица,
“Пусть летит”, – подумал я.
Верил – отпустил синицу,
Оказалось – журавля.

Нет ничего страшнее силы слов
На выцветшей от времени бумаге
Под шестизначным номером в Гулаге,
Где год указан, месяц и число.

Нет ничего подлее силы слов,
Толпу травящих ядами раздора,
Зовущих подчистую, без разбора
Смешать с землёю семь колен врагов.

Нет ничего коварней силы слов,
Плетущих из любых законов сети,
Чтобы попавшийся в тенета эти
К признанию любому был готов.

Напуганные тайной силой слов,
В простых словах, доверенных бумаге,
Мы ищем зашифрованные знаки
С усердием упрямых дураков.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *И.В. Варыгиной* 4

“ПОКА РАСПАХНУТО ОКНО...”

Имя	9
“Сжимает сердце от чего-то...”	10
“На флоте заведён порядок строгий...”	11
“Рок, судьба или случай просто...”	12
“Прости за всё, что не сбылось...”	13
“То прореха, то заплатка...”	14
“Сигнальные огни последнего вагона...”	15
Ночная тень	16
“Суета, текучка, будни...”	17
Ночные поезда	18
“Бродит кляча слепая привычно по кругу в загоне...”	19
“Ещё не наступило лето...”	20
Садовник	21
“И вновь я собираюсь за границу...”	22
“Едва повеет пряным запахом сандала...”	23
“Конечно, по желанию Иисиды...”	24
“Что сухопутные границы...”	25
Москва	26
Памятник	27
“Ты сказала, что в жизни...”	28
“Дождь прошёл...”	30
“Поверить, что предreshено...”	31

СОЛНЕЧНЫЙ ПОСЛАННИК

Перед отпуском	32
“При смене мест бес не даёт покоя...”	34
Утро в горах	35
“Полдень. Лето. Ляжешь под сосною...”	36
“Завораживает властно...”	37

“Ах, душа – нараспашку, сквозняки – напролёт...”	38
“...взору негде задержаться, взгляд куда ни кинь...”	38
“Я не верил долго в инопланетян...”	39
“Дымкою затянут небосклон...”	40
“Ноябрьский сумрачный рассвет...”	40
“От грязи, слякоти, дождей...”	41
“Выйдешь на крылечко...”	41
Февраль	42
“Снега осели. Кончилась зима...”	44
“Чайка реет над помойкой...”	44
“Куда исчезли с улиц воробьи?...”	45
“По всем календарям – давно весна...”	45
Апрель	46
“На фоне ярко освещённых магистралей...”	47

“НЕ УЛЕТАЙ ЗА ОБЛАКА... ”

“Разнообразным зазывалам...”	48
“Нам не дано сменить свой стиль...”	48
“Когда недрогнувшей рукой...”	49
“И ощущаешь Богу равным...”	49
“Хитрый умного всегда...”	50
Чужой	51
“Ещё не всё изведено...”	52
“Жив храм науки до тех пор...”	53
“Всю жизнь чего-то не хватает...”	54
“Давно уже замкнулся круг...”	55

“И НА СОЛНЦЕ ПЯТНА... ”

“Богаче в мире есть страна едва ли...”	56
“Братва, купцы и брокеры – в законе...”	56
“Быстрее молнии и грома...”	56
“В истории таких примеров множество...”	56
“В любом свинарнике...”	56
“В сплошном кольце...”	56
“Вы спорите, кто главный за столом...”	57
“Добро как категория...”	57
“Достоинство сейчас не атрибут культуры...”	57
“Есть у победы продолжение...”	57

“Собак боготворил и славил...”	57
“Страсть коротка...”	57
“Твой жизненный девиз таков...”	58
“Узнать всегда приятно...”	58
“Шёл напролом по головам...”	58
“Волкам плевать на бляеные баранов...”	58
“Любить себя сегодня вовсе не зазорно...”	58
“Людоед сказал с досадой...”	58
“Марки, фантики, картины...”	59
“Мысль не убить – давно известно всем...”	59
“Нет ярлыка с ценой...”	59
“Нету истины вернее...”	59
“Молчание твоё, порой забавное...”	59
“От дурака хула – считай, награда...”	59
“Пока идёт добра со злом кровавый бой...”	60
“Продаёт за валюту любую...”	60
“За все болезни, раны и невзгоды...”	60
“Зачем же женщине права...”	60
“Зря карабкался вверх и боролся за приз...”	60
“Иметь собственное мнение...”	60
Имидж	61
“Как можно отличить защитника закона...”	61
“Как узок кругозор штыка...”	61
“Какое прибыльное дело...”	61
“Коль канибалу человечинки охота...”	61
“Краснея и с улыбкою приятной...”	61
“Не надо уповать на мать-природу...”	62
“Поэт великий написал когда-то...”	62
“Отдаваясь бурно страсти сладкой...”	63
“Я восхищён, как ты с изяществом природным...”	63
“Исторический момент...”	64
О поэтических конкурсах	65
“Был человеком, понимал собрата...”	66
“Всю жизнь решаешь сверхзадачу...”	67
“Ты защитил достоинство и честь...”	67
“Жизнь – напоказ, всё остальное – на продажу...”	68
“Какие розовые дали...”	69
“Рвалась на свободу птица...”	69
“Нет ничего страшнее силы слов...”	70

Брейдо Иосиф Вульфович

Когда бы осень ни пришла...

Стихи

Компьютерная вёрстка

Т. Б. Ерёминой

Корректор

И. В. Варыгина

Книга издана на средства автора

*Автор искренне признателен И.В. Варыгиной и
Т.Б. Ерёминой, благодаря бескорыстному
труду которых вышел этот сборник.*

**Электронная версия для библиотеки, подготовлена
Ерёминой Т.Б., апрель 2014г.*

